

ПРЕДИСЛОВИЕ

Очередной выпуск серии «Славянское и балканское языкознание» содержит коллективную монографию «Палеославистика – 4», созданную международным коллективом авторов – ведущих отечественных и зарубежных специалистов в области палеославистики. Непосредственным «стимулом» к написанию монографии послужили Палеославистические чтения – 4, проведенные в Институте славяноведения РАН 20–22 сентября 2021 г. На московских Палеославистических чтениях, ставших уже регулярными, обсуждаются новейшие результаты текущих разносторонних исследований древних славянских рукописей X–XIV вв. Как и в предыдущих монографиях палеославистического цикла в серии «Славянское и балканское языкознание», в монографии «Палеославистика – 4» воплощен комплексный историко-филологический подход к изучению общеславянского рукописного наследия, в её разделах освещаются проблемы изучения языка, текстологии и палеографии славянских рукописей X–XIV вв.

В ряде разделов вводятся в научный оборот рукописи, оставшиеся до сих пор вне пределов внимания ученых. Одной из таких рукописей являлась рукопись древнерусского Часослова, хранящаяся в собрании монастыря св. Екатерины на Синае. Исследование иеромонаха Далмата (Юдина) (Сергиев Посад) «Древнерусский Часослов *Sinait. slav. 44*: комплексный анализ рукописи» содержит комплексное описание этой рукописи. Автор предполагает в момент написания рукописи третий квартал XIII в., а орфография писца дает ему основания говорить о её галицко-волынском происхождении. До сих пор не становилась предметом специального изучения и Грамота патриарха Константинопольского Германа II митрополиту Киевскому Кириллу – хотя она и была опубликована еще в XIX в. Грамота, датированная 1228 г. и известная только в древнерусских списках со второй половины XV в., стала предметом описания в разделе «Древнерусский перевод грамоты патриарха Константинопольского Германа II митрополиту Киевскому Кириллу I о рабах (1228)», написанном М. В. Корогодиной (Санкт-Петербург). Автор предполагает, что появление Грамоты было связано со сменой епископов во Владимире Волыном. А. Д. Паскаль (Москва) в разделе «О малоиз-

вестном славянском списке конца XIV в. Паренесиса Ефрема Сирина» дает описание болгарского списка из библиотеки румынского монастыря Путна (№ 38), который до сих пор не был учтен среди памятников «александрийского» («поп-герасимового») курсивного письма, в том числе среди возможных рукописей Тырновской школы письменности. Предварительный анализ текста этого списка показывает почти полную его идентичность с текстом славяно-молдавского списка второй пол. XVI в. Национальной Библиотеки Румынии № 4882 и позволяет говорить о существовании славяно-молдавской традиции Паренесиса.

В исследовании «Псалтырь хорватского глаголического сборника Slave 73 1375 г.», проведенном совместно Петрой Станковской (Любляна) и Маринкой Шимич (Загреб), читатель найдет сведения о проекте издания Парижского сборника (Bibliothèque Nationale de France), называемого также Бориславичевым – в честь писца Григория (Гргура) Бориславича. Раздел посвящен описанию лексики Псалтыри из этого сборника и рассмотрению вопросов её перевода. Авторы приходят к заключению, что перевод псалмов, как и в других хорватско-глаголических Псалтырях, является древним старославянским переводом, лексически хорватизированным, хотя при этом и довольно последовательно измененным в соответствии с латинским текстом.

В ряде разделов монографии находим лингвотекстологический анализ определенных произведений по спискам. В результате проведенного в разделе «Славянский перевод (псевдо-)златоустовой гомилии de capto Eutropio (CPG 4528)» Йоханнесом Райнхартом (Вена) анализа списков Гомилии о взятом в плен Евтропии выясняется, что славянский перевод гомилии изначально был сделан в XIV или в конце XIII в. в среднеболгарской редакции, вскоре после перевода текст попал в Сербию, где подвергся разным редактурам, а затем и в Россию. Как отмечает автор, более подробное исследование восточнославянской традиции текста, как и отыскание греческого оригинала перевода, является задачей будущего. Лингвотекстологический анализ древнерусских «Правил» митрополита Иоанна II, проведенный в работе «“Правило” митрополита Иоанна II: текстологический и лингвистический аспекты исследования» Г. С. Баранковой (Москва), подтверждает разделение Кормчей Ранней русской редакции на Вольнскую и Новгородско-Варсонофьевскую группы. Автор считает, что

памятник представляет большой интерес как с точки зрения представленной в нем лексики, так и в плане сопоставления его с другими ранними восточнославянскими переводами.

Текстологический анализ Берлинского сборника XIV в. – сербской копии с болгарского антиграфа – находим в исследовании К. В. Вершинина (Москва) «К уточнению источников Берлинского сборника». Автор анализирует как «Заповедь святых отец о велицем посте», так и ряд безымянных канонических и дисциплинарных статей. Выясняется, что в сборнике отразились не только канонические ответы киевского митрополита Георгия, но и «конвой», сопровождающий этот памятник в русской рукописи XV в. РГБ, Юд. 1.

Два раздела монографии посвящены исследованиям гимнографических текстов. В разделе «О греческом происхождении канона о чудесах прп. Иоанна Рильского: авторство Георгия Скилицы», написанном С. Ю. Темчиным (Вильнюс), речь идет о Каноне 8-го гласа о чудесах прп. Иоанна Рильского (в составе службы на 19 октября), сохранившемся в западноболгарской пергаменной рукописи начала XIV в. (РНБ, ф. 550, Ф.п.1.72). Путем обратного перевода на греческий инципитов тропарей канона автор показывает, что Канон является не компилятивным, а однородным произведением и изначально был написан по-гречески Георгием Скилицей, хотя и известен лишь в славянском переводе. В исследовании Виктории Легких (Мюнхен) «Служба свв. Борису и Глебу по рукописи XIV в. из Софийского собрания РНБ (Соф. 389)» Канон свв. Борису и Глебу по Соф. 389 сопоставлен с текстом из двух рукописей XVI и XVII вв. Кимбаровского собрания Супрасльского монастыря, а также с некоторыми тропарями канона, перешедшими позднее в каноны служб Петру Ордынскому, св. Феодору Смоленскому и св. Иоасафу Каменскому. Автор приходит к выводу, что в большинстве случаев рукопись Соф. 389 предлагает более близкие к оригиналу чтения, чем Супрасльские рукописи, хотя в обоих случаях имеет место некоторая порча прототипа.

А. А. Турилов (Москва) в своей работе «К вопросу о региональных вариантах «второго южнославянского влияния» (палеографический и орфографический аспекты)» рассматривает принципы изучения «второго южнославянского влияния» на восточнославянскую книжную культуру. Этот феномен долгое время рассматривался недифференцированно, без учета региональных особенностей. Между

тем в Новгороде и Пскове его проявления заметно (примерно на четверть века) «запаздывали» (например, в берестяных грамотах они не зафиксированы). Для Украины и Белоруссии картина не вполне ясна (прежде всего из-за недостатка источников), но по отдельным сохранившимся образцам можно полагать, что она была ближе к новгородско-псковской, чем к московской.

Лингвистический аспект исследований присутствует в большей или меньшей мере во всех разделах монографии. Вместе с тем во многих разделах изучение языковых особенностей и орфографии славянского рукописного наследия становится основным. Анализ надписи в Студенице, проведенный Виктором Савичем (Белград) в исследовании «Орфография святого Саввы Сербского», показал, что орфография святого Саввы была светской, сформировавшейся в придворном скриптории Рашки и идентичной орфографии Устава Бана Кулина (1189). Проанализированный материал позволяет, как считает автор, составить более ясное представление о том, каким образом св. Савва мог повлиять на консолидацию орфографии в Сербии при династии Неманичей. В написанном Г. А. Мольковым (Москва) разделе «Особенности письма новгородского писца Домки XII века: Орфографические аргументы тождества почерков Милятина евангелия и Лазаревского паримейника» определяются устойчивые индивидуальные особенности орфографии писца Домки, которые сохраняются в списках разных текстов. Однако на орфографическом уровне не подтверждается атрибуция Домке одного из почерков Служебной минеи Типографского собрания РГАДА, № 99, которую предположил С. М. Михеев. Орфографии Арадской кормчей – одного из списков Кормчей Ранней русской редакции, входящей в Волынскую группу, посвящена работа «Орфография Арадской кормчей», написанная И. И. Макеевой (Москва). Список был создан на юго-западе Руси в период второго южнославянского влияния. Автор исследования приходит к выводу, что основной писец Арадской кормчей происходил, видимо, с восточнославянской территории и был очень хорошо знаком с южнославянскими рукописями, поэтому отступлений от среднеболгарской орфографии немного. В то же время список сохраняет восточнославянские языковые особенности своего оригинала.

В написанном Анной-Марией Тотомановой (София) разделе «Роль старинных отлагольных существительных в болгарском и русском именном словообразовании» показано, что старые девербативы

не исчезли в праславянском и старославянском, но стали утрачивать свое процессуальное значение и развивать новые более конкретные значения, что и привело к появлению новых девербативов. Утрата процессуальности у старых девербативов связана также с включением их в разного типа сложения. Таким образом старые девербативы оставили заметные следы в словообразовании и лексике современных болгарского и русского языков и создали условия для появления новых девербативов. Работа А. В. Григорьева (Москва) «Займствованные слова, восходящие к и.-е. **leg-*, в старославянских и древнерусских рукописях» посвящена словам греческого и латинского происхождения – их этимологии, семантике, словообразовательной структуре, устанавливается время их заимствования. В разделе «Кирилло-мефодиевская vs. преславская лексика в количественных формулах древнерусских списков Паримейника», написанном О. Ф. Жолобовым (Казань), дано описание количественного распределения отдельных кирилло-мефодиевско-охридских и преславских дублетных лексических пар (применение «метода количественных формул»), что позволяет проследить накопление дублетных рядов и формирование синонимических отношений. По мнению автора, постепенный характер введения преславской лексики доказывает, что она входила в Паримейник в Охридской школе письменности – подобно тому, как преславская лексика там же вносилась в полноапракосное Евангелие. В разделе «К вопросу о глагольных формах Остромирова евангелия (3-е лицо единственного и множественного числа презенса)» его автор С. И. Иорданиди (Москва) вновь обращается к феномену последовательного проведения в этом памятнике презенса с окончанием *-тъ*. Высказывается предположение, что эта флексия, восходящая к **ti*, закрепившись на некоторой части южнославянской территории как *-тъ*, могла фигурировать в самых древних славянских источниках, в том числе и тех, которые стали протографом Остромирова евангелия.

Ростислав Станков (София) в разделе «Еще раз к проблеме суффикса *-ic-* в славянских языках» возвращается к проблеме имени великоморавского князя Ростислава. Дав критический разбор работы М. Дивег-Пуканца, в которой автор настаивает на словацком происхождении имени князя, Ростислав Станков утверждает в правильности своей прежней гипотезы, согласно которой имя князя Растнць (форма Растнславъ появилась позднее) следует отнести к южнославянскому

ареалу. Как считает автор раздела, суффикс *-ic-* в этом случае имеет деминутивное значение, а само имя носит характер прозвища.

Проблема функционирования нарицательных имен и сочетаний в качестве собственных имен (антропонимов и топонимов) в древнеболгарском переводе ветхозаветных книг рассматривается в разделе «Перевести непереуодимое: О рецепции имен собственных в древнеболгарском переводе Ветхого Завета», написанном Веселкой Желязковой (София). Наричательные имена и сочетания в их специфическом значении имен собственных в большинстве случаев встречаются в единичных контекстах. По этой причине, а также из-за недостаточной изученности лексики древнейшего славянского перевода библейских книг, они редко попадают в исторические словари. Автор раздела подчеркивает, что перевод библейских имен собственных вызван стремлением сохранить их этиологическое и символическое значение и сделать текст более точным и понятным. Составители Септуагинты, а вслед за ними и древнеболгарские книжники, используя такие приемы как «этимологическая фигура» и «игра слов», старались сохранить также стилистику исходного текста. В написанном В. С. Ефимовой (Москва) разделе «Номинации лиц существительными и субстантивированными причастиями в языке переводов IX – X вв.» проводится сравнение встречающихся в языке ранних славянских переводов наименований лиц существительными и субстантивированными причастиями. Рукописи, сохранившие первые переводы, показывают, что славянские книжники старались возможно лучше передавать морфологические особенности греческих наименований лиц. Однако в уже довольно ранних переводах правило соответствия морфологического облика старославянского слова морфологическому облику греческого слова начало нарушаться, и в выборе способа номинации стал прослеживаться приоритет, отдаваемый существительному. Автор предполагает, что использование существительного с характерным суффиксом сообщало с определенностью о номинации предметного лингвистического концепта (в широком смысле, в том числе лица) и компенсировало таким образом отсутствие греческого артикля.